

RU

Капитализм как негативная диалектика: фетишизм товаров, цифровое отчуждение и апокалипсис антропоцена

Краснов А. С., Федотов Д. Л.

Аннотация. Целью исследования является формулировка теоретических оснований для критического анализа капитализма XXI века как формы негативной диалектики, в которой социальные, экономические и онтологические противоречия не преодолеваются, а бесконечно воспроизводятся в форме цифровых симулякров. В исследовании капитализм рассматривается не только как экономическая модель, но и как всеобъемлющий онтологический режим, колонизирующий когнитивные, эмоциональные и биосферные ресурсы субъекта. В статье уточняется и адаптируется к современной цифровой реальности понятие «спектральной прибавочной стоимости» (K. Diefenbach), а также вводится авторский концепт «экологии абстракций» для анализа феноменов цифровой эксплуатации, таких как алгоритмический контроль, криптовалюты, гиг-экономика и нейросетевые платформы. Новизна исследования заключается в разработке концепта спектральной политической экономики как метода критического анализа капитализма, функционирующего в условиях цифровой абстракции. В статье утверждается, что философия способна противодействовать усилению цифрового отчуждения, преобразуя инструменты колонизации в средства ослабления эксплуататорских структур. В результате обосновано, что: 1) современный капитализм функционирует как система эпистемологического контроля, вытесняющего материальные основания производства; 2) его кризис носит не экономический, а когнитивно-онтологический характер; 3) трансформация философского инструментария позволяет выявить новые формы товарного фетишизма и отчуждения.

EN

Capitalism as negative dialectic: commodity fetishism, digital alienation, and the Anthropocene apocalypse

A. S. Krasnov, D. L. Fedotov

Abstract. The study aims to formulate the theoretical foundations for a critical analysis of 21st-century capitalism as a form of negative dialectic, in which social, economic, and ontological contradictions are not overcome, but endlessly reproduced in the form of digital simulacra. In the study, capitalism is viewed not only as an economic model, but also as an all-encompassing ontological regime, colonizing the cognitive, emotional, and biospheric resources of the subject. The article clarifies and adapts to the modern digital reality the concept of “spectral surplus value” (K. Diefenbach), and also introduces the author’s concept of “ecology of abstractions” for the analysis of phenomena of digital exploitation, such as algorithmic control, cryptocurrencies, the gig economy, and neural network platforms. The novelty of the research lies in developing the concept of spectral political economy as a method of critical analysis of capitalism functioning in conditions of digital abstraction. The paper argues that philosophy is capable of counteracting the intensification of digital alienation, transforming the instruments of colonization into means of weakening exploitative structures. As a result, it is substantiated that: 1) modern capitalism functions as a system of epistemological control, displacing the material foundations of production; 2) its crisis is not economic, but cognitive-ontological in nature; 3) the transformation of philosophical tools allows us to identify new forms of commodity fetishism and alienation.

Введение

Современный капитализм больше не ограничивается рамками экономической модели, а предстаёт как онтологическая система, колонизирующая не только сферу материального производства, но и когнитивное, эмоциональное и символическое измерения человеческого существования: «учёные становятся работниками в процессе когнитивного производства, а поэты – работниками рекламной индустрии» (Берарди, 2019, с. 31).

Его кризис не исчерпывается проблемой неравенства или экологических катастроф, но проявляется в самой логике самовоспроизводства, в способности алгоритмически контролировать потоки внимания, информации и даже мысли. Проблема исследования заключается в необходимости философского осмысления этой новой тотальности, в которой старые методы анализа оказываются недостаточными. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровые технологии, гиг-экономика, нейросетевые платформы и «спектральные» формы прибавочной стоимости формируют новые горизонты отчуждения, радикально изменяя как социальную ткань, так и основания знания.

Исследование стремится раскрыть следующие задачи:

- 1) выявить, как капитализм функционирует в условиях цифровой трансформации и переходит от эксплуатации труда к эксплуатации внимания, времени и данных;
- 2) адаптировать понятие «спектральной прибавочной стоимости» к цифровой реальности, ввести понятие «экологии абстракций» как ключевой категории анализа цифрового отчуждения;
- 3) продемонстрировать, что современный капитализм воспроизводит себя через эпистемологический контроль, а его кризис будет иметь когнитивный, а не материальный характер.

В качестве методологического основания используется философский анализ, опирающийся на диалектику Г. Ф. В. Гегеля (2000), критику политической экономии К. Маркса (Маркс, Энгельс, 1960) и современные теории цифрового капитализма. Работа сочетает историко-философский подход с критикой современных социальных технологий, включая понятия алгоритмического контроля, внимания как ресурса и когнитивной эксплуатации.

Теоретическая база исследования включает как классическую философию (Г. Ф. В. Гегель – «Феноменология духа» (2000), К. Маркс – «Капитал», «Экономическо-философские рукописи» (1960)), так и современных авторов, чьи работы посвящены критике капиталистического реализма и цифрового отчуждения: М. Фишер (2010) анализирует культурную стагнацию в условиях «капиталистического реализма»; С. Жижек (2010) исследует логику идеологии и симулякров в эпоху постмодерна; Ш. Зубофф (2022) вводит понятие надзорного капитализма как новой формы власти; Г. Стэндинг (2014) раскрывает феномен прекариата в гиг-экономике; А. А. Свечников, И. В. Десятов, Д. Н. Баракин анализируют алгоритмический контроль как форму цифровой детерминации субъекта. Эти подходы позволяют интерпретировать цифровую реальность как радикально новую фазу капиталистического развития, основанную на эксплуатации внимания, данных и времени.

Практическая значимость исследования заключается в разработке понятийного инструментария, направленного на анализ не только внешне наблюдаемых социальных феноменов, но и глубинных процессов формирования субъектности в условиях цифровой экономики. Представленные в работе концепты, в частности «экология абстракций» и адаптированное понятие «спектральной политэкономии», обладают эвристическим потенциалом, поскольку позволяют интерпретировать цифровые и когнитивные ресурсы как пространства латентной эксплуатации, которая рассматривается не в классическом марксовом смысле отчуждения труда, а как системное изъятие внимания, времени, аффективных и интеллектуальных способностей субъекта, вовлечённого в алгоритмически управляемые процессы. Данная перспектива открывает возможности для философского переосмысления стратегий сопротивления логике цифровой рациональности и предлагает основания для критики существующих форм господства в условиях платформенного капитализма.

Обсуждение и результаты

Капиталистическая система неоднократно возрождалась и видоизменялась, всякий раз восставая из пепла кризисов, и провозглашала самое себя единственно возможной и конечной системой организации общественного бытия, это то, «что осталось, когда верования свелись к ритуалу или символической проработке, остался только зритель-потребитель, пробирающийся через руины и останки» (Фишер, 2010, с. 16). Но на сегодняшний день этот мифический Феникс предстаёт перед нами в новом обличье, разрываемый собственными внутренне-структурными противоречиями, а обещания блага и процветания каждого человека рассыпаются в прах под тяжестью всеобщего неравенства и экологического коллапса. Капитализм XXI века уже не является простой экономической моделью, способом производства, подобно предшествующим экономическим формациям, – это глобальная религия, где рынок тождественен божеству, акции – сакральным подношениям, а потребитель – неофиту, склоняющему голову перед алтарём бесконечного роста. Но если эта современная религия основана на фундаментальной ошибке? И что, если вера в *бесконечную* экспансию в *конечном* мире и есть эта ошибка?

В историческом контексте капитализм всегда находил себе оправдание в том, что именно он и являлся основной движущей силой научно-технического прогресса, тем самым порождая иллюзию, что сами технологические прорывы и рост внутреннего валового продукта (ВВП) будут гарантами всеобщего улучшения качества жизни. Но парадоксальность и имманентная противоречивость есть суть капитализма: чем выше экономические показатели, тем ниже общественное благополучие. Самый богатый 1 процент населения захватил почти две трети всего нового богатства стоимостью \$42 триллиона, созданного с 2020 года, что почти вдвое больше, чем у самых бедных 99 процентов населения мира (Richest 1% bag nearly..., 2023). И это не является простой случайностью или простым стечением обстоятельств, но наглядно демонстрирует основной закон капитала – максимизация прибыли приоритетнее блага людей: «...при 300 процентах нет такого преступления, на которое он (капитал) не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 770). Риторика всеобщей свободы и благосостояния функционирует как идеологический фасад, маскирующий системную зависимость

индивида от кредитных обязательств, нестабильной занятости и алгоритмических механизмов (Бурмистров, 2025), управляющих повседневностью. Современный капитализм абсолютно спокойно испытывает кризис собственной легитимности, выраженный в нежелании решать ключевые вопросы современной цивилизации: экологические катастрофы и колоссальные выбросы CO₂ достигли нового исторического максимума в 2024 г., составив 40,8 млрд метрических тонн, а большая их часть приходится на 3 страны (Вершинина, 2025). Торговля квотами на глобальном капиталистическом рынке является фикцией, поскольку мировые компании по существу покупают «право» на уничтожение планеты, а не на изменение технологий производства на более экологичные. Цинизм современного капитализма выражается в «монетизации апокалипсиса», превращая экологические и климатические катастрофы в очередной финансовый актив – облигации на страхование от стихийных бедствий.

Человеческое сознание также обращается в ресурс, который цифровой капитализм превращает в товар, а личность становится простым набором данных. Индивидуальные и коллективные социальные связи превращаются в очередные инструменты монетизации: «Мы больше не являемся субъектами реализации стоимости... На самом деле, мы – объекты, из которых извлекается и экспроприируется сырьё» (Зубофф, 2022, с. 127). Интернет-платформы, социальные сети, Meta*, YouTube, TikTok и прочие, маскируются под современные и удобные пространства для общения между людьми, но в действительности являются колоссальными фабриками по производству аддикций, в которых нейросети, специально обученные на бихевиористских психологических уловках, максимизируют пребывание пользователя, вызывая стимуляцию «быстрого дофамина», что в итоге разрушает психику и становится фундаментом для множества психических расстройств. Это и есть механизм производства современной «спектральной прибавочной стоимости». Бессознательное участие пользователя в социальных сетях в конечном счёте есть производство прибыли для акционеров, а свобода социальных сетей – лишь свобода быть выбранным в качестве целевой аудитории для продвижения контента или быть источником обучающих данных для искусственного интеллекта (ИИ).

Великий обман и ловушка капитализма в философском аспекте заключается в том, что сам капитализм постоянно подменяет понятия в бесконечном потоке информации: технологии, увеличивающие прибыль для корпораций, обозначаются как «инновационные», но в то же время, те реальные технологические инновации, которые существуют на сегодняшний день, могли бы справедливо перераспределять ресурсы и, например, сократить рабочий день миллиардов людей, инновациями не являются. Сам язык повседневности насыщен алогизмами: прямая эксплуатация – «гибкий график», крайняя нищета – «временные трудности». И именно трудовая сфера претерпела наибольшие изменения, поскольку современный капитализм перенёс всю ответственность и обеспечение трудовых гарантий на самого рабочего: цифровизация породила новый подкласс – прекариат (Стэндинг, 2014, с. 6). Колоссальное количество людей по всему миру занято в неформальном экономическом секторе, а гиг-экономика в лице таких организаций, как Uber (Новосёлов, 2025), Deliveroo, избегает в отношении наймитов предоставления полноценного статуса рабочего, тем самым переводя любые риски и амортизацию на индивидуумов. Современный труд не источник самореализации, а лишь способ выжить в атмосфере постоянной угрозы лишиться всего, ведь мифология современного мира всегда угрожает оставить человека без работы, заменить его на ИИ, роботов и автоматизацию. Сами алгоритмы, призванные анализировать каждое действие, превращают любой труд в «усталость от решений» (Shrestha, Ben-Menahem, Krogh, 2019). Цинизм современного капитализма требует от человека одновременно быть сверхпроизводительным работником и алчным потребителем.

Но все обозначенные нами противоречия и внутренние кризисы капитализма являются поверхностными. Суть проблемы кроется гораздо глубже, поскольку современная капиталистическая система, словно воплощая гегелевскую «дурную бесконечность», превратила свою имманентную сущность и содержание в тотальную форму негативной диалектики, где синтез противоречий не рождает нового, напротив, синтез подменяется симулякрот снятия противоречий. Историческая «легитимность» капитализма как массивного аппарата эксплуатации масс, опиравшаяся на тезис о прогрессе как тезис имманентный, раскалывается под тяжестью имманентного антитезиса – системной проблемы невозможности преодоления собственных имманентных границ. Капитализм сегодня, прежде всего, не экономическая модель, но режим общественного бытия, где рыночная рациональность подменяет собой всякую иную рациональность, колонизируя саму возможность мышления, трансформируя субъекта в объект перманентных алгоритмических оптимизаций. Классическое понятие марксовой философии, разрабатываемое впоследствии Д. Лукачем (2017), – «овеществление» – сегодня достигает максимального метафизического уровня: потоки данных и информации, производимые когнитивным трудом миллионов людей, превращаются в «спектральную прибавочную стоимость», извлекаемую не из материального производства, но из цифрового следа, что является в настоящее время новым фетишем, колоссально превосходящим товарную форму. «Абсолютный дух» – центральная категория метафизики Г. В. Ф. Гегеля – сегодня «воплощён» в ИИ, но он более не стремится к синтезу, обращению самого себя в нечто иное, он редуцируется до уровня инструмента, направленного на увеличение капиталистической прибыли. Экономика платформ, скрывающая свою эксплуататорскую сущность за лозунгами свободы, воплощает критику отчуждения К. Маркса в изуродованном, гипертрофированном виде: так, пользователи, производящие контент, отчуждают не только свой собственный труд, но саму способность к рефлексии, поскольку психика секуляризируется, распадается на «микрозадачи внимания», монетизируемые как кванты вовлечённости (Joque, 2022, p. 16). И в этом аспекте капитализм завершает эпоху Просвещения, редуцируя разум до алгоритмического придатка гигасистемы, где императив И. Канта (2012) «имей мужество пользоваться собственным умом!» превращается в банальное «Тапай быстрее!» (от англ. to tap – нажимать, стучать).

Проблема фундаментального кризиса капитализма в XXI веке, по своей сути, не экономическая и не экологическая, а эпистемологическая. Словно гегелевская диалектика является методологической основой капитализма, но она извращена до формы цифровой схоластики, где невозможно достичь снятия противоречий, несмотря на бесконечное единство и перманентную борьбу, где количество не может перейти в качество и синтез заменяется бесконечной *генерацией псевдопроблем*: метавселенные, NFT и т. д. Марксистская теория капиталистических кризисов сегодня обретает новый горизонт – перенакопление капитала заменяется на перенакопление абстракций: финансовые «пузыри» криптовалют не являются аномалией, но есть логический итог функционирования самой системы, где стоимость онтологически отрывается от труда, теряя всякую связь с материальным миром. В наши дни мы в полном праве говорить о «хитрости алгоритма», а не о «хитрости мирового разума» Г. В. Ф. Гегеля (2000), поскольку именно алгоритм оптимизирует и готовится оптимизацию всякого будущего: кредитные свопы и деривативы есть формы временного капитализма, стирающего темпоральное измерение человеческого бытия.

Представляется, что современная реальность по-прежнему может быть осмыслена через призму гегелевской диалектики и критической политэкономии К. Маркса при условии их концептуальной адаптации к цифровой эпохе. Так, «негативная диалектика» трансформируется в «негативную диалектику отчуждения», аналитическую перспективу, раскрывающую, как современные технологии не преодолевают противоречия (*Aufhebung*), а усиливают их, экстраполируя отчуждение в когнитивно-аффективную сферу субъекта. Классическая политическая экономия, исходившая из предположения о конечности капитализма, требует ревизии и переориентации: её критический фокус смещается в сторону анализа цифровых форм эксплуатации, формируя спектральную политэкономия, исследующую прибавочную стоимость, извлекаемую из цифровых следов и потоков данных, превращённых в фантомные товары, с центром производства, сосредоточенным в нейросетевых системах. В рамках этой теоретической трансформации темпоральный материализм выступает как методологическая рамка, позволяющая анализировать капитализм как систему, поглощающую не столько пространство, сколько время через долговую нагрузку, предиктивные алгоритмы и системное управление будущим.

Классическая критика капитализма всегда была сфокусирована на классовом неравенстве и экологических коллапсах, при этом зачастую обходя стороной антропологические трансформации и мутации, которые вызывает капиталистическая система. Современный цифровой капитализм не производит товары в их классической форме, описанной К. Марксом, он производит антропологические типы, такие как цифровой пролетарий, который продаёт капиталисту не свой труд, а своё внимание глобальному цифровому Левиафану. Сама биологическая сущность человека редуцирована до «биоактора», который призван монетизировать генетические данные, сознание истирается в *tabula rasa*, готовое бесконечно потреблять потоки симулякров: «Забудьте клише, что если нечто бесплатно, то “товар – вы сами”. Вы не товар; вы – разлагающиеся останки. “Товар” изготовят из излишка, вырезанного из вашей жизни» (Зубофф, 2022, с. 492). Классический родовый человек, о котором писал К. Маркс (Маркс, Энгельс, 1960), уже превратился в расщеплённого субъекта, чья идентичность формируется из алгоритмической сборки данных, нацеленных на выстраивание поведенческих паттернов таким образом, чтобы максимально производить и максимально потреблять. И сознание достигает апогея в своём «несчастье», (Гегель, 2000, с. 110): онтологическая несводимость, оторванность виртуального аватара от физического тела также являются источником монетизации и прибавочной стоимости, которая извлекается из рекламных инвариантов. Мы наблюдаем *трансцендентальную форму эксплуатации*, поскольку сегодня капитал присваивает себе не труд, а возможность априорных форм созерцания, и эта экспансия капитала с каждым днём становится всё более масштабной и глубокой.

Нейроинтерфейсы считывают эмоции человека, алгоритмы предопределяют и предсказывают желания, реализуя в извращённом виде концепт К. Маркса о «всеобщем интеллекте» как масштабный ужас, поскольку этот коллективный разум поработён для максимизации прибыли. Само ядро капитализма – финансовая система с глобальным долгом, превышающим общий рыночный оборот, – не является статистической или логической ошибкой, поскольку основана на совершенно ином основании – *отрицательной телеологии*, ведь капитал должен бесконечно увеличиваться, чтобы избежать внутреннего коллапса. Но парадокс в том, что сам рост уничтожает возможность собственного существования и развития. «Отрицательность» Г. В. Ф. Гегеля (2000) здесь превращается в бесконечную петлю, а не спираль мировой схематики последней великой метафизической системы: кредитные деривативы, криптовалюты и т. д. есть формы самореференциального капитала, где стоимость (ценность) детерминирована не самим производством, но религиозной верой в будущую финансовую ликвидность активов. Классическая формула капитала К. Маркса – $T-D-T$ или $D-T-D'$ (где T – товар, D – деньги) – в подобных условиях не актуальна и не адекватна объективным процессам видоизменившейся капиталистической системы. Она трансформируется в $D-DD'$ (деньги – данные – большие деньги), где сама *товарная фаза устранена*. Субъект современного биржевого процесса – ИИ, который больше не является простым инструментом анализа потоков данных инвестиций и криптокошельков, он словно в насмешку реализует гегелевское «понятие», которое имманентно «движет самое себя», но движение не имеет своей целью свободу, а ведёт только к тотальному контролю, где сами кризисы становятся удобной массой для алгоритмического прогнозирования. Даже постоянная угроза экологической катастрофы не является внешним вызовом для капиталистической системы, но служит её имманентным условием существования. «Зелёный поворот» в виде «зелёных экономик», экологических источников энергии и т. д. – пример гегелевской «хитрости мирового разума», выпотрошенной и вывернутой наизнанку: углеводородные рейтинги и кредиты промышленных гигантов не решают проблему безопасности нашей планеты, напротив, они транспонируют

проблему в иное измерение, где действует только логика финансов и активов. Даже марксов концепт «метаболического разрыва» (Кондрашов, 2023) между человеком и природой приобретает радикально новую форму: мониторинг вырубки зелёных массивов планеты, наблюдаемый и контролируемый с космического спутника, майнинг вулканов или проекты майнинга астероидов суть одно и то же. Сама природа есть готовый к употреблению продукт для капитализма. Выход из этой проблемы можно видеть в развитии концепции «экологии абстракций», анализе того, как именно виртуальные капиталистические активы – метавселенные, NFT и др. – требуют реальных ресурсов в виде затрачиваемой электроэнергии, количества вырабатываемых редкоземельных металлов, создавая обратную петлю бесконечным абстракциям капитализма. Поскольку даже сама идея блокчейна оказалась фикцией – вместо децентрализации финансовых ресурсов он также воспроизводит классические капиталистические иерархии, поскольку 0,1% кошельков контролирует 27% биткоинов (Neumueller, 2023), что является цифровым воплощением концентрации капитала К. Маркса.

Таким образом, труд, колонизированный цифровым капитализмом из антропологического измерения, превратился в антропологическую катастрофу. Поскольку «прекариат» не есть «новый опасный класс» (Стэндинг, 2014), как его артикулировали, – это *онтологический статус*, где постоянная угроза потерять работу является новой формой контроля. Диалектика господина и слуги Гегеля выходит на совершенно новый уровень, ее структура трансформируется в отношения между платформой, воплощающей господина и пользователя, являющегося современным слугой. Но платформа зависит от пользователя, так же, как и господин зависит от слуги, она просто генерирует огромные потоки данных, но драпирует свою уязвимость и зависимость, скрывается за кулисами идеи «свободы выбора». Теория капиталистической эксплуатации К. Маркса обретает новые очертания и горизонты: прибавочное время извлекается не из нормы трудового дня, а из когнитивного сопротивления пролетария, из тех усилий, которые он затрачивает на постоянную «фильтрацию» контекстной рекламы, пронизывающей всё виртуальное пространство, настройки приватности собственных аккаунтов в постоянном страхе утратить пользовательские данные. Пользователь сам участвует в персональном отчуждении, поскольку «лайк» – формальное выражение согласия – становится обыденным актом подчинения пользователя алгоритмическим моделям цифрового капитализма, которые направлены на самореференсную монетизацию.

Культура больше не является «надстройкой», согласно известному марксистскому тезису, она превращена в инфраструктуру производства бесконечного желания. ИИ, который генерирует тексты, музыку, рисунки, стихи и т. д. не просто инструмент в руках пользователя, а прямой агент *символической эксплуатации*, где акты творчества редуцируются к паттернам, предсказуемым для максимальной вовлечённости пользователя и, соответственно, максимально затрачиваемому им времени. Первая часть третьей ступни развития Абсолютной идеи у Гегеля – искусство как форма абсолютного духа – подменяется «контентом», уже готовым к массовому потреблению цифровым товаром, чья ценность измеряется не эстетическими чувствами, а количеством «лайков». Это гипертрофированная форма марксова «товарного фетишизма», где пользователь, просматривающий концерт в метавселенной, одновременно производит двойной фетиш: цифровой актив и собственные индивидуальные переживания, эмоции превращаются в набор данных для самообучения ИИ. И любая нейросеть, которая способна писать тексты, новеллы, стихи, басни, не становится угрозой писателям, их наличному существованию в дальнейшем, это очередной симптом системы, где любое критическое искусство, являющееся формой сопротивления алгоритмическому тотальному диктату и контролю, само оказывается сырьём для переработки алгоритмами.

И в рамках логики современного капитализма теперь «невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему» (Фишер, 2010, с. 12), поскольку мы не можем выглянуть из этой платоновской пещеры. Все попытки оптимизации и исправления капиталистической системы, такие как децентрализованные сети и рынки, циркулярная экономика, не принесли существенных улучшений, напротив, сделали саму систему более герметичной, так как игнорировали её онтологические основания. Гегелевское «примирение с действительностью» необходимо сегодня истолковывать как «примирение с конечностью», добавляя к этому отказ от мифологии о бесконечном росте в пользу иной экономики, основанной на асимметричной взаимосвязи человеческого общества с биосферой. Поэтому капитализм XXI века – это специфичный черновик апокалипсиса, написанный языком позитивизма. Крах капиталистической системы невозможен в экономическом горизонте, слишком сильны и независимы от классовой борьбы и материального труда механизмы самовоспроизводства. Крах капитализма возможен только в экзистенциальном аспекте, как только система утратит способность продуцировать свои «смыслы», маскирующие абсурд собственной логики, она столкнется с внутренней пустотой, неспособной поддерживать ее символическую и социальную легитимность. И когда-нибудь «диктатура пролетариата» уступит место «диктатуре алгоритма», и здесь, как и в любом отрицании, рождается фундамент для нового синтеза. «Абсолютный дух», возможно, сумеет пройти огонь алгоритмического цифрового чистилища и, подобно Фениксу, переродиться в подлинный коллективный разум, освобождённый от товарной и фетишистской формы, но не через «алгебру революции», а через имманентное отрицание логики самоотчуждения. Но пока современный капитализм достиг уровня *трансцендентальной инфляции*, где продуцируемые им абстракции теряют всякую связь не просто с реальностью и материальным планом, но и с самой абстракцией: криптовалюты, привязанные к алгоритмам, а не к реальной валюте, NFT, чья уникальность – всего лишь случайная генерация хешей, – это не деньги и не искусство, а квазистабильные симулякры, которые существуют в онтологическом разрыве между ценностью и информационным шумом; это и есть алгоритмическая галлюцинация, где нейросети и ИИ воспроизводят потоки «смыслов», которые никто не требовал, но которые монетизируются капиталистической системой, поскольку предстают как современные и модные тренды. Отсюда рождается и иной аспект, так как современная капиталистическая система продуцирует эпистемический вакуум, в котором производство «знания» заменяется воспроизводством

«незнания». ИИ генерирует тексты, которые могут казаться убедительными, но при этом сам ИИ не может понимать смысла, и подобные продукты машинного интеллекта не являются пространством коммуникации машины и человека, они являются машинами онтологического распада: здесь диалектическое снятие превращается в стирание: любой антитезис, критикующий саму систему, стирается тезисом – алгоритмом самой системы, – превращаясь в потенциальный контент, готовый к массовому употреблению.

Цифровой капитализм, его тотальное проникновение в образование породили феномен *гносеоцида* – элиминирования познания как феномена. Алгоритмы, рекомендуемые и составляющие бесконечные ленты контента, подменяют каузальность простой корреляцией, и пользователь становится эпистемологическим зомби, который слышал о том, что Земля – это планета, а значит, «круглая», но в то же время ставит «лайки» под роликами, в которых доказывается, что земля плоская и пишет абсурдные комментарии ради получения дозы дофамина. И каждый подобный акт есть отрицание рефлексии как таковой.

Кульминацией тотальной капиталистической диалектики становится генеративный фашизм (Meyer, 2025), в котором ИИ, обученный на всей предшествующей человеческой истории, имеющий доступ к любым областям знания, бесконечно продуцирует худшие паттерны, представляя их инновацией для неискущённого пользователя. Так, нейросети, которые генерируют популярную музыку, потенциальные хиты, неотличимые от старых, – это не стагнация, а своеобразно *генеративное антитворчество*, которое есть лишь производство симулякров, имитирующих развитие. «Конец истории» Гегеля наконец-то обретает подлинный и ужасающий смысл, поскольку мы потенциально живём в мире, где ИИ, генерирующий тексты и музыку, выигрывает престижные премии. И в этой реальности гегелевская абсолютная идея превращается в алгоритмический солипсизм, веру самих платформ в то, что генерируемые ими потоки данных и есть единственно возможная реальность, поскольку современный капитализм питается прежде всего энтропией всякого смысла. И в погоне за неким абстрактным «смыслом» пользователь впадает в диалектическую ловушку, превращая отрицание – желание остановиться – в утверждение – ещё один ролик, лайк, клик, тап, скролл и т. д. И насколько цинично в этом разрезе звучат слова И. Маска, лица современного капитализма, о том, что спутники Starlink, призванные обеспечивать доступ всех людей к интернет-пространству, одновременно являются средством поглощения не только всё большего числа виртуальных «кликеров контента», но и апроприацией веры в то, что переселение человечества на Марс сможет решить все проблемы современной цивилизации (Slurm, 2019). На деле же экспансия Марса – это ещё одна лакуна для инвестиций, ширма, за которой прячется пустая абстракция. Но если это и будет возможно, то она просто перенесёт кризис в межпланетное пространство, поскольку Марс станет сырьевым придатком Земли, куда под красивыми лозунгами о покорении Красной Планеты будут записываться тысячи добровольцев, рискующих закончить свою жизнь под недрами другого мира, для обогащения элиты, которая останется на Земле.

Заключение

Поставленные в исследовании цели и задачи были последовательно раскрыты и решены. Во-первых, анализ цифрового капитализма позволил показать, что его структура функционирует как форма негативной диалектики, в которой противоречия не преодолеваются в синтетическом движении, а консервируются и симулируются в формах цифровых абстракций. Противоречие становится основным ресурсом самовоспроизводства системы, что радикально трансформирует классическое понимание диалектики и отчуждения. Во-вторых, исследование продемонстрировало, что цифровой капитализм переходит от эксплуатации труда к эксплуатации внимания, когнитивной активности и данных. Эксплуатация принимает форму алгоритмического контроля и когнитивной экстракции, где субъект не только отчуждает результат своего труда, но и само внимание, желания и поведенческие паттерны, превращаясь в источник «спектральной прибавочной стоимости». В-третьих, введённые и адаптированные в работе концепты «экология абстракций» и «спектральная политэкономия» показали свою аналитическую применимость к современной фазе капиталистического развития. Эти концепты позволили интерпретировать процессы цифрового отчуждения как скрытую форму онтологической и эпистемологической эксплуатации, выходящей за пределы традиционных трудовых отношений и захватывающей само основание субъективности. В-четвёртых, исследование выявило, что кризис современного капитализма носит не только экономический или экологический характер, но и прежде всего эпистемологический. Речь идёт о потере способности системы производить значимые смыслы и формы общественной рациональности. Капитализм становится самореференциальной машиной генерации симулякров, что приводит к «когнитивному коллапсу» – неспособности отличать знание от его симуляции.

Таким образом, цель исследования – разработать понятийный аппарат для критического анализа капитализма XXI века как системы негативной диалектики – достигнута. В статье утверждается, что философия в этих условиях не может оставаться в позиции наблюдателя. Она должна выступать в качестве инструмента «диалектического саботажа», практики мышления, способной не просто критиковать, но подрывать логику воспроизводства цифрового отчуждения.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: анализ влияния генеративного ИИ на формирование субъективности; изучение нейроэксплуатации как предельной формы отчуждения сознания; философская разработка феномена гносеоцида как формы системного уничтожения способности к познанию в алгоритмически управляемом мире.

Примечание: * – организация признана в России экстремистской/террористической и запрещена.

Материалы исследования | Research materials

1. Вершинина М. Китай, США и Индия стали источником более половины рекордных выбросов CO₂ в 2024 году // BCS Express. 2025. <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kитай-ssha-i-india-stali-istochnikom-bolee-poloviny-rekordnykh-vybrosov-co-v-2024>
2. Meyer R. Generative AI and the Aesthetics of Digital Fascism // re:publica25. 2025. <https://re-publica.com/en/news/rp25-speaker-roland-meyer-generative-ai-and-aesthetics-digital-fascism>
3. Richest 1% bag nearly twice as much wealth as the rest of the world put together over the past two years // Oxfam International. 2023. <https://www.oxfam.org/en/press-releases/richest-1-bag-nearly-twice-much-wealth-rest-world-put-together-over-past-two-years>
4. Slurm. Starlink – дело крупное // Habr. 2019. <https://habr.com/ru/companies/slurm/articles/476328/>

Источники | References

1. Берарди Ф. «Бифо». Душа за работой. От отчуждения к автономии / пер. с ит. К. А. Чекалова. М.: Издательство Грюндриссе, 2019.
2. Бурмистров Н. Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля // Гуманитарий Юга России. 2025. № 1. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.1.6>
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред., прим. и авт. послесл. М. Ф. Быкова // Памятники философской мысли. М.: Наука, 2000.
4. Жижек С. Жизнь в эпоху конца времен. L. – N. Y.: Verso, 2010.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Образовательная политика. 2012. № 3 (59).
7. Кондрашов П. Н. Экология Карла Маркса: историчность социального метаболизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 4. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-104>
8. Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты) / пер. с нем. С. П. Поцелуева. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. Изд-е 2 е. М.: Издательство полит. литературы, 1960. Т. 23.
10. Новоселов Д. О. Искусственный интеллект и изменение трудовых ценностей, влияние автоматизации на восприятие работы // Телескоп. 2025. № 1. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-1-113-118>
11. Свечников А. А., Десятов И. В., Баракин Д. Н. Философское осмысление свободы в условиях алгоритмического контроля // Вестник науки. 2024. № 12 (81).
12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
13. Фишер М. Капиталистический реализм. Есть ли альтернатива? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультракультура 2.0, 2010.
14. Diefenbach K. The Spectral Form of Value: Ghost-Things and Relations of Forces // Capital-It Fails Us Now / ed. K. Sander, S. Sheikh. Berlin: b books, 2006.
15. Joque J. Revolutionary Mathematics: Artificial Intelligence, Statistics and the Logic of Capitalism. L. – N. Y.: Verso, 2022.
16. Neumueller A. Bitcoin electricity consumption: an improved assessment // Cambridge Judge Business School. 2023. <https://www.jbs.cam.ac.uk/2023/bitcoin-electricity-consumption>
17. Shrestha Y., Ben-Menahem S. M., Krogh G. Organizational Decision-Making Structures in the Age of Artificial Intelligence // California Management Review. 2019. Vol. 61. № 4. <https://doi.org/10.1177/0008125619862257>

Информация об авторах | Author information

Краснов Антон Сергеевич¹, д. филос. н.
Федотов Дмитрий Леонидович²

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет

Anton Sergeevich Krasnov¹, Dr
Dmitry Leonidovich Fedotov²

^{1, 2} Kazan (Volga Region) Federal University

¹ anton-krasnov1987@yandex.ru, ² Fedot1917@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2025; опубликовано online (published online): 05.08.2025.

Ключевые слова (keywords): цифровой капитализм; экология абстракций; алгоритмический контроль; когнитивное отчуждение; товарный фетишизм; digital capitalism; ecology of abstractions; algorithmic control; cognitive alienation; commodity fetishism.